обращения с отходами, достижения баланса их интересов, недопущение переложения груза решения экологических проблем на социально незащищенных лиц, компенсацию потерь (ущерба), связанных с реализацией таких решений.

Характеризуя принцип экологической справедливости, следует отметить, что логично будет рассматривать его в контексте развития принципа устойчивого развития, который был сформулирован в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию и нашел свое отражение в законодательстве большинства государств. Так, в ст. 3 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» указано, что одним из принципов охраны окружающей природной среды является научно обоснованное согласование экологических, экономических и социальных интересов общества на основе сочетания междисциплинарных знаний экологических, социальных, естественных и технических наук и прогнозирования состояния окружающей среды[10]. Вместе с тем принцип экологической справедливости является его естественным продолжением, переходом от понятия абстрактных общественных интересов к интересам небольших социальных групп и отдельных лиц на основании четких демократических процедур, которые включают управленческие, финансовые, организационно-правовые элементы.

Выделение принципа экологической справедливости в законодательстве об отходах будет достигать несколько методологически важных для данной подотрасли экологического права целей. Во-первых, продемонстрирует органическую связь экологического права и права обращения с отходами, что позволит окончательно сместить акцент с хозяйственно-правового регулирования этих отношений на эколого-правовое. Во-вторых, создаст условия для учета интересов всех заинтересованных лиц в процессе принятия решений в сфере обращения с отходами на основании открытых и демократических процедур в соответствии с лучшими международными практиками. В-третьих, будет содействовать дальнейшему развитию экономического механизма в сфере обращения с отходами, а также формированию эффективных компенсационных механизмов в случае нарушения интересов заинтересованных лиц.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время есть все основания для выделения принципа экологической справедливости как одного из базовых принципов права обращения с отходами, подлежащего нормативному закреплению в процессе дальнейшего развития и систематизации законодательства об отходах на Украине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Явич Л. С. Сущность права : монография. Л., 1985. С. 141.

2 См.: Скурко Е. В. Принципы права : монография. М., 2008. С. 46.

3 Об отходах : Закон Украины от 05.03.1998 г. № 187/98-ВР // Официальный вестн. Украины. 1998. № 13 (16.04.98). Ст. 483. Укр.

4 См.: Модельный закон об отходах производства и потребления // Информ. бюл. Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ. 2007. № 41. С. 337.

5 См.: Колодий А. Н. Принципы права Украины : монография. Киев, 1998. С. 8. Укр.

6 Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 23.09.2014).

7 Декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 23.09.2014).

8 Фильчак Р. Экологическая справедливость помогает справиться со многими проблемами на местном уровне // Государственное управление в переходных экономиках. 2004. № 2. С. 3.

9 См.: Хаттон (Hatton) и другие против Соединенного Королевства : решение Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/19382767/17527924/ (дата обращения: 23.09.2014).

10 См.: Об охране окружающей природной среды : Закон Украины от 25.06.1991 г. № 1264-XII // Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 41. Ст. 546. Укр.

Поступила в редакцию 29.05.2014.

Виталий Анатольевич Зуев – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Академии таможенной службы Украины (г. Днепропетровск, Украина).

УДК 32.01

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ

НЕОМАРКСИСТСКИЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ

В современном знании потенциал неомарксизма как источника политических категорий не раскрыт. Предлагается комплексный анализ политологического неомарксизма, направленный на выявление неомарксистского категориального аппарата исследований политики. Посредством исследования генезиса неомарксистской концептуализации политической проблематики выявляются 25 основных неомарксистских категорий политического анализа. Неомарксистские категории фундируют такие проблемы (предметы) современного политического анализа, как роль субъективного фактора в политике, новые формы классовой эксплуатации и расовой дискриминации, нивелирование значения национальной публичной политики, структура современного международного порядка. В результате предлагаются определения неомарксистских политических категорий. Делается вывод о значении неомарксизма в сохранении научного потенциала марксистской проблематики и создании на ее основе нового категориального аппарата, актуального в решении современных политологических задач.

Ключевые слова: неомарксизм; неомарксистская категория; класс; классовое сознание; эксплуатация общего; гегемония; биополитика; биовласть; неорасизм; империя; универсализм; политический гиперреализм.

Potential of Neo-Marxism as a source of political categories isn't discovered in current knowledge. The comprehensive analysis of politological Neo-Marxism, which is aimed on detection categorical Neo-Marxist apparatus of politics research is offered in this article. Twenty five fundamental Neo-Marxist categories of political analysis is detected through the research of genesis of Neo-Marxist conceptualization of political issues. Neo-Marxist categories substantiate such problems (subjects) of current political analysis as a role of the subjective factor in politics, new forms of class exploitation and racial discrimination, leveling the significance of national public policy, the structure of modern international order. As a result definitions of political Neo-Marxist categories are offered. The conclusion of Neo-Marxist significance in keeping scientific potential of Marxist problematic and of creation on its basis new categorical apparatus, which is actual in solution of current politological objectives, is given.

Key words: Neo-Marxism; Neo-Marxist category; class; class consciousness; general exploitation; hegemony; biopolitics; biopower; neorasizm; empire; universalism; political hyperrealism.

Важнейшей проблемой современного социально-политического знания является разработка категориального аппарата исследований политики. Категории, которые используются в современной политической науке, вырабатывались для осмысления политических реалий в основном западноевропейского развития. Этот понятийный аппарат во многом отягощен идеологическим содержанием исторического прошлого. Вынужденное оперирование старым категориальным аппаратом и недостаток новых категорий осложняют научный поиск, затрудняют анализ современных процессов и явлений политической реальности. Поэтому в политологии требуется своего рода переход на новый категориальный уровень.

В этой связи возрастает интерес к познавательному потенциалу неомарксизма, который возник в результате теоретического переосмысления марксистской проблематики. Это были те вопросы, на которые не смогли дать ответы приверженцы классического марксизма, поскольку, как отмечал Э. Балибар, капитализм «пошел дальше» тех условий, которые породили марксизм и марксистский анализ социальных отношений[1]. С точки зрения М. Харда и А. Негри, возникла необходимость «отойти от самой марксовой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики», и построить на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации»[2]. Это выразилось в том числе и в разработке *неомарксистских категорий*, способных представить в теоретической форме неомарксистские политологические концепты.

Неомарксистское осмысление политики зародилось в рамках философской проблематики диалектики объективного и субъективного. В результате внутренней экстраполяции гегельянства в марксизм, а также разработки марксовой категории «класс для себя» Г. Лукач поставил вопрос о значении «классового сознания» в истории. *Классовое сознание* – категория, используемая Г. Лукачем для демонстрации значения субъективного фактора в классовой борьбе, которая приобретает идеологическую форму. Категория «классовое сознание» позволила теоретически закрепить вывод неомарксизма о том, что «общественная борьба проявляется в идеологической борьбе за сознание»[3].

Опираясь на работы Г. Лукача, теоретики неомарксизма обратили особое внимание на функционирование идеологии в общественной формации. При этом марксистская критика идеологии уже не могла адекватно решать современные познавательные задачи. Это было обусловлено тем, что в современном обществе акторы вполне отдают себе отчет в дистанции между манипуляцией и социальной действительностью, осознают, что за идеологическими универсалиями скрываются классовые интересы, но тем не менее не отказываются от этих универсалий, транслируемых идеологическим аппаратом западных государств. Если пользоваться марксовым пониманием идеологии, относящим иллюзию сознания исключительно к сфере «представлений», то современное общество выглядит как деидеологизированное. С. Жижек по этому поводу отмечал, что надо сделать «решительный шаг» и «по-новому взглянуть на марксистскую формулировку “они не осознают этого, но они это делают”». Идеологическая иллюзия «имеет своим местом не “знание” – она находится в самой действительности, в том, что люди делают». «Фундаментальный уровень идеологии – это не тот уровень, на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде, а уровень (бессознательного) фантазма, структурирующего саму социальную действительность». Таким образом, С. Жижек ввел категорию *идеологический фантазм*, чтобы понятийно зафиксировать отнесение идеологической иллюзии не к сфере сознания (знания), а к «реальности самого действия» в рамках определенного социального порядка[4].

Обращение к человеческой субъективности было и основной темой политической философии А. Грамши. С точки зрения этого теоретика, государственная власть класса и его идеология не могут поддерживаться только насилием; необходимо и субъективное согласие масс. Классу, борющемуся за власть и играющему в итоге решающую роль в экономической сфере, необходимо обеспечить процесс «перехода от чисто экономического… момента к моменту этико-политическому», обеспечить процесс «преобразования базиса в надстройку в сознании людей». Этот процесс А. Грамши теоретически оформил в категорию «катарсис»[5]. Данная категория отражала процессуальные измерения становления гегемонии. *Гегемония* – это взаимоотношения социальных сил, когда одна из них доминирует на основе добровольной поддержки других социальных сил; это необходимость обеспечить субъективное согласие масс на доминирование государственной власти класса и его идеологии. Именно становление гегемонии приводит к формированию «исторического блока». *Исторический блок* – категория, введенная Ж. Э. Сорелем и используемая А. Грамши для обозначения взаимосвязи и единства диалектики

истории в ее идеалистической и материальной составляющей. Категория «исторический блок» стала результатом неомарксистского принципа историцизма (конвергенции марксистских понятий «базис» и «надстройка») и была призвана исключить редукционистский подход экономического детерминизма к анализу сущности и функционирования общественной формации.

Категория «гегемония» имела большое эвристическое значение для становления неомарксистской политологической проблематики и подверглась широкой экстраполяции в рамках дальнейших исследований. Концептуально новым стало то, что если А. Грамши связывал гегемонию с деятельностью класса, борющегося за власть, то в рамках неомарксистской политической теории второй половины XX в. категория «гегемония» была призвана отразить суть функционирования уже устоявшегося господства капитала. Более того, современный капитализм начал характеризоваться как «тотальная гегемония». Эта детализация была вызвана необходимостью подчеркнуть, что в современном обществе капиталистическая гегемония «означает не только охват всей социальной жизни, всех “пластов” социума (от экономики до морали), но и не случайно совпадает терминологически с тоталитаризмом как понятием». Гегемония современного капитала – это «гегемония чего-то целого, тотального, объективного, от воли индивида не зависящего и господствующего над человеком и его общественной жизнью»[6].

В неомарксистских построениях концепта тотальности капитализма особое значение имело использование категории «воспроизводство». Неомарксистский акцент на воспроизводство капитализма как тотальной системы стал основополагающим для концептуальных разработок Ж. Бодрийяра и Г. Маркузе. Категория «воспроизводство», детализируемая Г. Маркузе в категорию «власть принципа производительности» и Ж. Бодрийяром в категорию «воспроизводящий труд», была призвана обозначить «код господства» капитализма[7]. Суть современного капитализма – это гегемония, которая «сопровождается инстинктивным процессом воспроизводства людьми как объектами господства подавления самих себя»[8]. С нашей точки зрения, категория *воспроизводство* закрепляет неомарксистское положение, согласно которому совокупность индивидуальных практик акторов в их единстве по воспроизводству капиталистической формации есть неосознанная репрессивность, охватывающая все сферы жизни.

Развитие знаний об особенностях современного воспроизводства капиталистической системы повлияло на содержательное наполнение категории «эксплуатация». А. Негри и М. Хард пишут, что «эксплуатацию уже нельзя воспринимать в прежних терминах» (прибавочная стоимость), «эксплуатацию надо попытаться постичь как *эксплуатацию общего*»[9]. Категория «эксплуатация общего» призвана отобразить *классово-эксплуататорский* характер тотальной гегемонии капитализма над всеми сторонами социального бытия, в том числе и над сознанием акторов. Это понимание эксплуатации привело к тому, что в рамках неомарксизма аспектом политического анализа становится «производство субъективностей»[10]. *Производство субъективностей* – категория, введенная М. Хардом и А. Негри для определения процессуального измерения биополитики в построении эксплуатации субъективного.

Гегемонистский характер современного капитализма, расширение роли субъективного в его функционировании изменили сущность политики как организующего фактора капиталистических отношений. Это нашло свое отражение в неомарксистских концептуальных построениях на основе категорий «биовласть», «биополитика», «реальное подчинение». *Биополитика* – категория, введенная Р. Кьелленом и используемая в рамках неомарксизма М. Хардом и А. Негри для обозначения новой, актуальной современному капитализму формы создания и организации процесса эксплуатации на основе производства субъективного. Биополитика направлена на становление капиталистического господства как реального подчинения. *Реальное подчинение* есть новая форма контроля и управления в современном капиталистическом порядке, полученная в результате перехода от формальной производственной дисциплины («формального подчинения») к биополитике[11]. Реальное подчинение как биополитическое воспроизводство капитализма меняет «картину» политической власти. На смену политической власти как легальному насилию приходит власть как неосознанная трудящимися, но управляемая эксплуататорами биовласть. *Биовласть* – категория, введенная П.-М. Фуко и используемая М. Хардом и А. Негри для теоретического оформления неомарксистского концепта власти как господства над процессом воспроизводства субъективного, что, в свою очередь, позволяет воспроизвести капитализм и на уровне объективных структур. Другими словами, биовласть есть возможность реализовывать биополитику.

Таким образом, если марксисты были склонны подчеркивать экономический и принудительный аспекты политического господства, то в рамках неомарксизма делается акцент на роли субъективного (гегемонистского, идеологического) фактора в удержании государственной власти. Неомарксистский поворот к анализу субъективного фактора политики и классового господства был широко разработан в политической теории Л. Альтюссера. Новым у Л. Альтюссера стало то, что был проделан структурный анализ классовой гегемонии. Л. Альтюссер ввел категорию *идеологические аппараты государства*, которая разграничивала функционирование государства с применением насилия (репрессивный аппарат) и идеологии. Смежной с категорией «идеологические аппараты государства» является категория «фабрики идеологии». *Фабрики идеологии* – неомарксистская категория Б. Оллмана, определяющая государство, массмедиа, семью, церковь, школу, работу, спорт, развлечения, азартные игры как структуры

производства рыночной идеологии, направленной на мистификацию функционирования капитализма как бесклассовой системы.

Всепроникающий характер капиталистической гегемонии привел в рамках неомарксизма к концептуализации капитализма как универсальной системы. *Универсализм* – категория, введенная Э. Балибаром и И. Валлерстайном, призванная зафиксировать унифицирующий характер капитализма, направленный на легитимацию современного социально-политического и экономического порядка как объективной, «здравой» безальтернативности. Универсализм позволяет господствующему классу, с одной стороны, получить массовое согласие на господство, а с другой – нивелировать революционную угрозу посредством «двойного зажима». *Двойной зажим* (Э. Балибар) – это порядок, в котором «государственная социализация» ограничивает «индивидуальные или групповые практики», но не «исключает ни противостояния масс, ни революций, какова бы ни была их политическая форма», в силу того, что оформляет их в «цикл», в котором «сопротивление эксплуатации позволяет распространять ее»[12]. «Двойной зажим» может быть понят как состояние формации, в котором сопротивление капитализму структурно вписано в способ существования капитализма как фактор его функционирования.

В целом неомарксистские исследования политики характеризуются нивелированием познавательного интереса к анализу национальной публичной политики. Эта установка находит свое закрепление в категории «политический гиперреализм». *Политический гиперреализм* (*трансполитичность*) – категориальная инновация Ж. Бодрийяра, призванная отобразить такое состояние политической системы современного капитализма, как нейтрализация антагонизмов «левых» и «правых» политических идеологий и политических практик. Данная категория зафиксировала ритуализацию демократического избирательного процесса, симулятивность значения общественного мнения, а также двухпартийное чередование власти в рамках господства одного класса.

Нивелирование неомарксистского познавательного интереса к национальной публичной политике «компенсируется» широтой неомарксистских направлений исследования международной политики. Теория зависимости, теория «мир-системы», теория глобальной гегемонии (неограмшизм), концепция империи в совокупности образуют основу неомарксистской теории международного порядка. Эти концепции возникали как научная реакция на различные по времени и содержанию политические события и процессы послевоенного периода международных отношений. В неомарксистской теории международного порядка находит свое место и критика неолиберализма и глобализма. Каждое из этих направлений оперирует множеством категорий, однако только некоторые из них могут быть отнесены к неомарксистским.

Во-первых, в рамках неомарксистских исследований международного порядка имела место трансформация категории «класс». Это выразилось в синонимизации категории «пролетариат» с категорией «трудящиеся». Однако собственно новизна неомарксизма заключалась в появлении таких категорий, как «новый класс» и «глобальный класс». *Новый класс* – неомарксистская категория М. Джиласа, отражающая сущность бюрократии (номенклатуры) в системе государственного капитализма. *Глобальный класс* – неомарксистская категория, которая отражает транснационализацию господствующего в рамках капитализма класса.

Во-вторых, в неомарксистских исследованиях международного порядка была предпринята попытка экстраполировать неомарксизм А. Грамши на новую политическую проблематику. Неограмшизм акцентировался на исследовании гегемонии в глобальном масштабе. Глобальная гегемония концептуализировалась как результат экспансии государственной гегемонии на мировой порядок, предполагающей глобальное структурирование, объектом которого является воспроизводство знаний и социальных отношений, нравов и учреждений[13]. С точки зрения А. Бузгалина и А. Колганова, «через сложную систему каналов своей гегемонии глобальный капитал как целое стремится к подчинению человечества как целого»[14].

В-третьих, в рамках теории зависимого развития были разработаны категории «дуальное общество», «идеологический терроризм», «неоколониальный план», «рост без развития», «центры-гегемоны капитализма». Этот категориальный аппарат позволил лучше охарактеризовать структурные особенности современного международного порядка. *Дуальное общество* – категория, введенная Дж. Х. Бойке и используемая Э. Балибаром для обозначения модели центра и периферии в рамках одного государства (новое порождение неизбежного классового конфликта). Дуальное общество – это полупериферия как состояние общественно-государственной системы, в которой соединяются различные формы эксплуатации и которая необходима для бесконфликтного функционирования мирового капиталистического порядка.

Идеологический терроризм – категория, используемая Т. Сантусом как синоним неолиберализма и призванная продемонстрировать его имперский характер в условиях современного международного политического процесса.

Неоколониальный план – категория С. Амина, призванная отразить имперские процессы в современном международном порядке после глобального процесса деколонизации государств.

Рост без развития есть состояние экономической и социально-политической системы государств, вписанных в международный капиталистический порядок с определенными структурными функциями, а именно воспроизводства периферийного капитализма.

Центры-гегемоны капитализма – государства, которые от центро-периферийного структурирования мирового порядка получают наибольшую выгоду и являются инициаторами зависимого развития других стран (Р. Пребиш).

Если неомарксистские исследования современного международного порядка были направлены на познание глобальной *динамики становления* транснационального капитализма, то в рамках исследований М. Харда и А. Негри анализируется глобальная *динамика воспроизводства* уже устоявшегося транснационального капитализма. Для этого используются такие категории, как «империя» и «дифференциальный расизм». *Империя* – это глобальная биополитическая конструкция организации наднационального способа управления транснациональным капиталом, представляющая собой трансформацию политической организации капитализма после кризиса империализма. Империя является сложным образованием в силу того, что не может быть сведена к деятельности какого-либо политического института, а в большей степени характеризуется единством логики функционирования множества национальных политических систем, транснациональных корпораций и международных организаций.

Дифференциальный расизм (*неорасизм, «расизм без рас»*) – категория, введенная П. А. Тагиеффом и используемая Э. Балибаром для концептуализации новой формы расизма в эпоху деколонизации. Дифференциальный расизм порождает дискриминацию на основе идеологизации непреодолимости культурных различий, вне отсылки к биологической наследственности. М. Хард и А. Негри рассматривали дифференциальный расизм как неотъемлемый компонент биополитики в рамках империи, основанный на прагматическом управлении социальными (культурными) различиями в целях организации трудовой иерархии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках неомарксизма был разработан самостоятельный категориальный аппарат исследования политики. Сохранение марксистской проблематики было органично дополнено экстраполяцией других направлений социально-философского знания (гегельянство, структурализм, постмодернизм). Это позволило, с одной стороны, сохранить критическую значимость марксистского научного дискурса, а с другой – создать новый категориальный аппарат, актуальный для современных политических реалий и современных политологических задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 179.
[2] Негри А., Хард М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 179.
[3] Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М., 2003. С. 157.
[4] См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 40.
[5] См.: Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991. С. 65.
[6] Бузгалин А., Колганов А. Критический марксизм – продолжение дискуссий. М., 2002. С. 72–73.
[7] См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 64.
[8] Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 100.
[9] Негри А., Хард М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 187.
[10] См.: Негри А., Хард М. Империя. М., 2004. С. 309.
[11] Там же. С. 242.
[12] Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. С. 205.
[13] См.: Cox R. W. Production, the state and change in world order // Global changes and theoretical challenges: approaches to world politics for the 1990s. Toronto, 1989. P. 39.
[14] Бузгалин А., Колганов А. Противоречия глобальной гегемонии капитала (к вопросу о содержании и противоречиях так называемой «глобализации») // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» : сб. ст. М., 2003. С. 18.

Поступила в редакцию 04.03.2014.

Вадим Сергеевич Михайловский – аспирант кафедры политологии. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Л. В. Старовойтова.

УДК 321.022/330.341

О. Е. ПОБЕРЕЖНАЯ, И. А. ДАУКШ

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Посвящена исследованию угроз, оказывающих постоянное негативное воздействие на социально-экономическую безопасность государства и общества. Безопасность анализируется авторами как направление деятельности государства, основанное на защите национальных интересов, и определяется как степень свободы общества в выборе оптимальных путей будущего развития и обеспечения благосостояния. Основными угрозами для них авторы считают экономическую преступность и создающую ее теневую экономику. Главной задачей исследования авторы видят проблему измерения воздействия экономической преступности на макроэкономические показатели государства и определения места и роли теневой экономики в общей экономической структуре. Используются структурно-функциональный метод, методы статистического учета и новые методологические подходы в теории экономики преступности. Решение проблемы измерения угроз в социально-экономической сфере авторы видят в области оптимизации системы национальных счетов ООН и ее приспособлении к национальным особенностям статистического